

Н.В.Работяжев

КОНСЕРВАТИЗМ И МОДЕРНИЗАЦИЯ: ЕДИНСТВО ИЛИ БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ?¹

Ключевые слова: консерватизм, модернизация, вестернизация, традиционные ценности, Россия

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-03-00599 «Консерватизм в современном мире: кризис или возрождение?»).

² Грызлов [Gryzlov] 2009.

³ Орлов, Бадковский, Виноградов [Orlov, Badovskij, Vinogradov] 2010.

⁴ Россия [Rossija] 2009.

⁵ Цит. по: Соломонов [Solomonov] 2011.

В 2009 г. «Единая Россия» широковещательно заявила о своем проекте «консервативной модернизации» страны, то есть модернизации, опирающейся на ценности консервативно-традиционалистского спектра. По словам председателя Высшего совета ЕР Б.Грызлова, модернизация, за которую выступает партия власти, должна базироваться на таких ценностях, как патриотизм, семья, историческая память, уважение к традициям, здоровая и растущая нация, гарантии частной собственности, уважение к закону². Этот модернизационный проект задумывался как консервативный по содержанию, ненасильственный по методам, демократический с точки зрения опоры на сложившиеся демократические институты, исключающий радикальные подходы и предполагающий не слом, а постепенную эволюцию существующей политической и социально-экономической системы³. Он был нацелен на «сохранение ценностей и традиций, приумножение потенциала страны через инновационное развитие»⁴, иными словами, на соединение консерватизма с приоритетными направлениями социально-экономического прогресса. А один из тогдашних лидеров ЕР А.Исаев даже заявил, что «единственная идеология, которая способна стать фундаментом для модернизации страны, — это консервативная идеология»⁵.

И хотя «консервативная модернизация» оказалась не более чем очередной бюрократической декларацией, о которой вскоре перестали упоминать даже ее инициаторы, само это понятие с их легкой руки вошло в публичный дискурс. И нам представляется, что концепция консервативной модернизации (понимаемая, разумеется, в более широком смысле, чем тот, который вкладывало в нее руководство ЕР) заслуживает самого серьезного внимания. Совместим ли в принципе консерватизм с модернизацией? В чем специфика тех вариантов модернизации российского общества, которые предлагают отечественные консерваторы? Существует ли универсальный образец модернизации — или этот процесс может идти разными путями, в том числе и теми, которые не требуют разрыва с традиционными ценностями? На эти вопросы мы и попытаемся ответить.

**Славянофилы:
«постоянное
усовершенст-
вование,
опирающееся
на старину»**

⁶ Недостаточное внимание к изучению российского консерватизма в тот период объяснялось, впрочем, и тем, что его метафизическое, смысловое, ценностное ядро с трудом поддается осмыслению в рамках той рационалистической традиции, в русле которой работает большинство ученых-гуманитариев.

⁷ Eisenstadt 1973: 99.

⁸ См. Милль [Mill] 2006: 24—30.

Для многих отечественных обществоведов 1990-х годов, работавших в либеральной парадигме, ответы на поставленные вопросы казались простыми и однозначными. Они трактовали западную модель модернизации в качестве нормативной и фактически отождествляли модернизацию с вестернизацией; традиционные ценности, с их точки зрения, препятствовали модернизации и потому подлежали постепенному преодолению. Соответственно, традиция отечественной консервативной рефлексии, идущая еще от Н.Карамзина и славянофилов, не вызывала у них особого интереса⁶. Что касается постсоветских консерваторов, отстаивавших российские традиции и национальную самобытность и отвергавших курс радикально-либеральных реформ, то они воспринимались скорее как ретрограды и реакционеры, стремившиеся затормозить процесс прогрессивных преобразований.

Однако сама реальность вскоре показала односторонность подобного подхода, недопустимость игнорирования консервативных установок и ценностей в ходе проведения реформ. Как предупреждал еще известный теоретик модернизации Ш.Эйзенштадт, разрушение старого не всегда способствует возникновению нового, то есть институтов Модерна, и может привести к дезинтеграции общества и хаосу⁷. Выяснилось, что «порядок», в полном соответствии со взглядами классика либеральной мысли Дж.Ст.Милля⁸, — необходимое условие «прогресса». Кроме того, либеральная идеология в ее российской версии оказалась удобным прикрытием для процесса бюрократического «первоначального накопления» и перераспределения государственной собственности в пользу номенклатурной и мафиозно-спекулятивной прослойки, что не могло не вызвать разочарования в либеральных ценностях у самых широких слоев населения.

Не только высокая социальная цена либерально-шоковых реформ, но и связанные с ними аномия, криминализация экономических отношений, распад социальных связей, атомизация и всплеск крайнего индивидуализма породили в российском обществе массовый запрос на консервативно-традиционалистские ценности и установки — стабильность, порядок, социальный патернализм, сильную государственность. Именно этим объясняется феномен российского «консервативного ренессанса» 2000-х годов и популярность В.Путина. Тем самым была наглядно продемонстрирована важная интегративная роль консервативных ценностей. Да и в самом политологическом сообществе постепенно получила «права гражданства» точка зрения, согласно которой успешная модернизация в России возможна только в случае поддержания разумного баланса между содержанием модернизации и самобытностью национальной культуры.

В то же время под флагом консерватизма в современной России все больше усиливаются этатистские, авторитарные и изоляционистские тенденции, не слишком совместимые с ценностями Модерна. Именно поэтому столь актуален вопрос, как российский консерватизм соотносится с модернизацией, может ли он (или какие-то его версии) послужить для нее политико-культурной опорой.

Прежде всего необходимо напомнить, что уже основоположники отечественной консервативной традиции, славянофилы, при всей присутствующей им идеализации допетровской эпохи отнюдь не призывали к возврату в прошлое, к существовавшим в Московской Руси отношениям. «...Отстрани всякую мысль о том, будто возвращение к старине сделалось нашей мечтою, — писал А.Хомяков А.Кошелеву. — Одно дело: советовать, чтобы корней не обрубить от дерева и чтобы залечить неосторожно сделанные нарубы, и другое дело: советовать оставить только корни и, так сказать, снова вколотить дерево в землю... Если с дороги сбились, первая задача — воротиться на дорогу»⁹. На то, что славянофилы призывают не «вернуться назад» (в чем их обвиняли оппоненты), но идти «вперед лишь по иному направлению», по тому самобытному пути, которым Россия шла прежде, указывал и К.Аксаков, подчеркивая при этом, «что Россия допетровская имела... свои начала, свой путь, свое стремление, что эти древние начала суть залог ее преуспевания в будущем, что живая связь со стариною, с преданием необходима, что лишенное корня дерево не приносит плодов... что для своего просвещения, для оживления и преуспевания (прогресса) Россия должна обратиться не к формам, конечно, но к своим древним основным началам, к жизненным сокам корней своих»¹⁰.

⁹ Хомяков [Нотьяков] 2013: 127.

¹⁰ Просвещенный консерватизм [Prosveshhennyj konservatizm] 2012: 523, 525—526.

Не отвергали славянофилы и идеи прогресса, развития — однако трактовали их не в либерально-прогрессистском и уж, конечно, не в радикальном ключе. По их мнению, общество должно развиваться эволюционно, «органически», без разрыва со своими традиционнo-историческими основами и по возможности без заимствования зарубежных образцов. Говоря современным языком, развитие социума, с их точки зрения, должно было представлять собой эндогенный процесс. Впрочем, подобные воззрения являются общими для всех консерваторов — как русских, так и западных. Как отмечает британский политолог М.Фриден, консерваторы готовы принять социальные изменения, «если они происходят в установленных рамках, если их скорость не превышает способности людей к ним приспособиться, если они не означают разрыва с прошлым или существующими институтами и практиками и если они протекают органично»¹¹. Так, согласно Хомякову, консерватизм «есть постоянное усовершенствование, всегда опирающееся на очищающуюся старину. Совершенная остановка невозможна, а разрыв гибелен»¹². «Преемство жизни, — вторил ему К.Аксаков, — есть необходимое условие жизни», и нить, идущую из прошлого в будущее, ни в коем случае нельзя разрывать¹³.

¹¹ Freeden 1996: 333.

¹² Хомяков [Нотьяков] 1900: 211.

¹³ Просвещенный консерватизм [Prosveshhennyj konservatizm] 2012: 527.

Вместе с тем социальный прогресс понимался славянофилами главным образом как естественное развитие «народных начал», но ни в коем случае не подражание каким-либо западным моделям. «...Прогресс, как скоро он является извне... в виде... готового результата чужой жизни и истории, — безобразен и неживуч», — доказывал, например, И.Аксаков¹⁴. Социальные и политические институты нельзя импортировать, они могут только вырастать из народной почвы: «...Всякая

¹⁴ Там же: 487.

¹⁵ Там же: 500.

¹⁶ Карпович
[Karpovich] 2012:
112.

¹⁷ Просвещенный
консерватизм
[Prosveshhennyj
konservativizm] 2012:
494.

¹⁸ Там же: 495.

¹⁹ Там же: 52—53.

²⁰ Там же: 494.

²¹ Хомяков
[Homyakov] 2013:
284.

мысль благая (хотя бы и либеральная), всякое учреждение, не связавшееся корнями с исторической почвой народной или не выросшее из нее органически, не дает плода и обращается в ветошь»¹⁵. Полезным и допустимым в глазах славянофилов было лишь «техническое — техническое в самом широком смысле этого слова — заимствование образцов и идей из-за границы; такое заимствование, которое может быть усвоено национальным организмом, не причинив особого вреда»¹⁶.

Вполне естественно, что славянофилы выступали против любых попыток перестроить общество по теоретическим лекалам. «Деспотизм теории над жизнью есть самый худший из всех деспотизмов», — утверждал И.Аксаков¹⁷. С его точки зрения, теоретики радикализма или либерализма намерены «ломать жизнь по своему отвлеченному соображению о благе народном, месить ее как тесто, лепить из нее, как из алебастровой массы, фигурки по своему вкусу»¹⁸.

Стоит отметить, что и революции славянофилы отвергали не только потому, что революция означает разрыв с традициями и историческим прошлым страны, но и в силу того, что она представляет собой попытку реконструировать общество в соответствии с умозрительными принципами. Революция, отмечал Ю.Самарин, есть «рационализм в действии, иначе: формально правильный силлогизм, обращенный в стенобитное орудие против свободы живого быта. Первой посылкой служит всегда абсолютная догма, выведенная априорным путем из общих начал или полученная обратным путем — обобщением исторических явлений *известного рода*. Вторая посылка заключает в себе подведение под эту догму данной действительности и приговор над последней, изрекаемый исключительно с точки зрения первой — действительность не сходится с догматом и потому осуждается на смерть. Заключение облекается в форму повеления... и в случае сопротивления приводится в исполнение посредством винтовок и пушек или вил и топоров — это не изменяет сущности операции, предпринимаемой над обществом»¹⁹. Французская революция 1789—1794 гг. как раз и являла собой, по мнению И.Аксакова, «заклание жизни на алтаре отвлеченной теории»; это была «оргия теории, пирующей на развалинах сущего, живого»²⁰.

Будучи противниками любой социальной инженерии, славянофилы считали недопустимыми перестройку общества «сверху» и навязывание ему каких-либо концепций. Государство, полагали они, должно быть не инженером или строителем, а скорее садовником, не вмешивающимся в органический ход жизни и не стесняющим свободу «земли», общества. «Жизненных начал общества производить нельзя: они принадлежат самому народу или... самой земле... — писал Хомяков. — Можно и должно устранять все то, что враждебно этим началам, но развивать самые начала почти невозможно. Жизненное и историческое действие общества похоже на живые явления природы и, может быть, еще неуловимее их. Опасно вступать в эти многосложные и неосозаемые тайны и поручать механике и химии то, что поручено Промыслом законам, которых никто еще не постиг вполне»²¹.

Неудивительно, что славянофилы — в отличие от многих отечественных консерваторов более позднего времени — не были этатистами и выступали против административной централизации. Государство, по их убеждению, не должно пытаться заменить собой общество, не должно вторгаться в сферы церковной и земской жизни, народной нравственности. Принимая монархический принцип правления, они в то же время настаивали на автономности внутренней жизни «земли», признавали неотъемлемые народные права (свободу мысли, слова, печати и др.) и выступали за выборное местное самоуправление. «Неограниченная власть — Царю, полная свобода жизни и духа — народу; свобода действия и закона — Царю, свобода мнений и духа — народу», — так, согласно К.Аксакову, должны были строиться отношения между государством и «землей»²². По свидетельству И.Аксакова, идеалом классиков славянофильства являлось «не государственное совершенство, а создание христианского общества»²³.

²² Цит. по: Гусев [Gusev] 2001: 86.

²³ Цит. по: Керимов [Kerimov] 1988: 97.

Таким образом, славянофилы принимали социальные изменения — но при условии, что они протекают эволюционно-органически, не носят радикального и тем паче революционного характера, не порывают с историческими традициями и не угрожают размытием российской самобытности. Прогресс общества, с их точки зрения, должен быть естественным продуктом народной жизни, развитием «основных начал народности». При этом государству ни в коем случае не следует реформировать быт народа по каким-либо зарубежным образцам или пытаться воплотить в жизнь отвлеченные теории.

Короче говоря, при всей идеализации Московской Руси теоретики славянофильства отнюдь не отрицали прогресс и не были сторонниками возврата в допетровское прошлое, как это нередко пытались представить их критики. Они вовсе не игнорировали проблему модернизации общества, и в этом смысле комплекс их идей никак не вписывается в рамки предложенной П.Чаадаевым дефиниции «ретроспективная утопия»²⁴. Славянофилы полностью осознавали потребность в трансформации социальных и политических отношений в России, но стремились к тому, чтобы эта трансформация прошла наименее болезненным для сложившейся социальной структуры и национальной культурной традиции образом. В сущности, они разрабатывали альтернативу западной, индустриально-капиталистической модернизации. По справедливому замечанию Э.Соловьева, «требование сохранения национальной специфики в ходе модернизации позволяет характеризовать славянофильскую консервативную утопию... как одну из первых в истории мировой социально-политической мысли попыток теоретического обоснования „третьего пути“... то есть модернизации общества без индустриализации западного типа, предполагающей массовую пролетаризацию населения, разрушение традиционных связей в обществе и его атомизацию»²⁵.

²⁴ Чаадаев [Chaadaev] 1991: 148.

²⁵ Соловьев [Solov'ev] 1997: 146.

Действительно, славянофилы выступали против становления в России индустриального капитализма, считая неизбежными его след-

²⁶ Хомяков
[Нотьяков] 2013:
128.

²⁷ Там же: 132.

²⁸ Там же: 131.

²⁹ Цит. по: Цимбаев
[Симбаев] 1986:
165.

**Либеральные
консерваторы
в поисках
путей «мирного
обновления»**

³⁰ Соловьев
[Solov'ev] 1989б:
314.

³¹ Там же: 293.

³² Соловьев
[Solov'ev] 1989а:
19, 20.

ствиями безжалостную конкуренцию, обезземеливание большинства населения, возникновение неимущего пролетариата и антагонизм капитала и труда. Будучи убеждены, что вставшее на этот путь общество ожидает «страшные страдания и революция впереди»²⁶, они связывали решение социального вопроса в России с распространением принципов, на которых строилась сельская община, на городскую промышленность, иными словами, с созданием «промышленных общин», элементы которых видели в артелях, мельницах, эксплуатируемых на паях, и т.д.²⁷ Тем самым, полагали они, «разрешается задача, над которой трудятся бесполезно лучшие головы Запада»²⁸.

Весьма показательно в этом плане отношение славянофилов к социалистическим и коммунистическим идеям их эпохи. Полностью отвергая политический радикализм и лежавшие в его основе материализм и атеизм, некоторые из них усматривали в социализме искажение верной самой по себе идеи ассоциации труда и капитала. «Коммунизм есть только карикатура мысли прекрасной и плодотворной, — писал, в частности, Самарин. — Коммунизм относится к учению об ассоциации, об организации промышленности и земледелия, о приобщении рабочего класса к выгодам производительности как тирания к монархии, как царствование Иоанна Грозного к власти царской». Лучшее средство обессилить и победить коммунизм, по его мнению, состояло в том, чтобы признать «необходимость коренного преобразования и совершить его правоммерным порядком»²⁹.

Идеи славянофилов оказали немалое воздействие на дальнейшее развитие русской консервативной мысли. Под заметным влиянием славянофильства в первый период своей деятельности находился, например, Вл. Соловьев (впоследствии претерпевший определенную эволюцию в направлении западничества). Творчески развивая идеи ранних славянофилов, в ряде своих работ он сформулировал христианское обоснование идей политического либерализма (безусловной ценности личности, человеческого достоинства, неотъемлемых прав и свобод человека) и социального прогресса. Идеи развития и прогресса, подчеркивал он, не только не носят атеистического и антихристианского характера, но, напротив, эти идеи «суть специфически христианские (или, точнее, еврейско-христианские), они внесены в сознание людей только пророками Израиля и проповедниками Евангелия»³⁰. Русский национальный идеал, согласно Соловьеву, «должен быть идеалом общественной правды и прогресса, то есть практического осуществления христианства в мире»³¹. России в равной степени чужды как восточный деспотизм, подавляющий свободу и самостоятельность личности и ведущий к социальной стагнации, так и «всеобщий эгоизм и анархия» Запада, отрицающие солидарность, единство, высшие жизненные начала, и она призвана примирить «единство высшего начала с свободной множественностью частных форм и элементов»³².

Влияние Соловьева (как и классиков славянофильства), в свою очередь, испытали такие мыслители, как Н.Бердяев, С.Булгаков, С.Франк, П.Струве, творившие в русле либерального консерватизма, то есть стремившиеся к синтезу позитивных элементов славянофильства и западничества, национальной самобытности и универсализма, к соединению российских исторических начал с правовыми гарантиями индивидуальной свободы. Именно этим духом был пронизан знаменитый сборник «Вехи» (1909), подвергший острой критике утопизм, максимализм, безрелигиозность, готовность некритически принимать заимствованные на Западе теории, «отщепенство» от российских национально-государственных устоев, характерные для отечественной радикальной интеллигенции начала XX в. Так, по мнению Франка, величайшим заблуждением сторонников социализма была вера в то, что «борьба, уничтожение врага, насильственное и механическое разрушение старых социальных форм сами собой обеспечивают осуществление общественного идеала»³³. Авторы «Вех» противопоставляли революции эволюцию, экономическому детерминизму — веру в творческую силу личности, изменению форм общественного устройства — нравственное совершенствование, материализму и атеизму — христианские ценности, заимствованию западных концепций — опору на отечественную национально-культурную традицию, рационалистическому космополитизму — национальную идею, уравнилельной справедливости — необходимость развития производства.

³³ *Вехи [Vehi] 1990: 171.*

К числу видных теоретиков либерального консерватизма конца XIX — начала XX в. относился также один из основателей Партии мирного обновления (располагавшейся в тогдашнем политическом спектре несколько правее кадетов, но левее октябристов) Д.Шипов, разработавший «собственную модель модернизации России, которая учитывала, с одной стороны, ее исторические и социокультурные традиции, а с другой — новые тенденции развития страны пореформенного периода»³⁴. В своей политической философии Шипов соединил две духовные традиции: нравственный идеализм, базировавшийся на христианских ценностях (что сближало его со славянофилами), и либерально-правовые идеи. Стержнем его мировоззрения было «нравственно-этическое миропонимание, сквозь призму которого ставились и решались все проблемы общественно-политической жизни»³⁵. Из этого миропонимания и вытекали такие установки мыслителя, как предпочтение эволюционного пути развития, отвержение любого радикализма и насилия во имя достижения политических целей. «Всякое государственное преобразование, — писал он, — должно совершаться с осторожностью и постепенно, не вызывая обострения политических отношений в стране»³⁶. Шипов был последовательным сторонником развития земского самоуправления, что должно было, с его точки зрения, привести к постепенному формированию в России представительных институтов. При этом, как и другие либеральные консерваторы той эпохи, он полагал, что оптимальной для России формой правления является конституци-

³⁴ *Шелохаев [Shelohaev] 2010: 3.*

³⁵ *Там же: 160.*

³⁶ *Цит. по: Шелохаев [Shelohaev] 1999: 323.*

онная монархия и что назревшие реформы необходимо проводить в сотрудничестве с исторической российской властью.

Со славянофилами Шипова роднило не только стремление к воплощению в социальную жизнь христианских ценностей, но и то, что он признавал национально-культурную самобытность нашей страны и настаивал на необходимости сохранения российских исторических традиций. В то же время мыслитель разделял многие постулаты либерализма, высказываясь за формирование в России правового государства, создание выборного народного представительства и конституционно-правовое обеспечение прав и свобод личности. То есть, как и другие либеральные консерваторы, он хотел не остановить процесс модернизации, а «придать ему гуманистическую направленность исходя из религиозных, нравственных и этических начал»³⁷.

³⁷ Шелохаев
[Shelohaev] 2010:
161.

Следует отметить, что, подобно славянофилам и Соловьеву, Шипов критически относился к капиталистическому хозяйственному устройству. «Капиталистический строй, может быть и даже наверно, неизбежен при современных социальных и экономических отношениях, но... с точки зрения высшей правды он несомненное зло и идеализировать его, по меньшей мере, смешно», — подчеркивал он³⁸. Религиозно-этическое неприятие капитализма и признание частичной правоты социализма были характерны также для Булгакова, Бердяева, Г.Федотова и ряда других отечественных либерально-консервативных мыслителей первой половины XX в. «Капитализм есть организованный эгоизм, который сознательно и принципиально отрицает подчиненность хозяйства высшим началам нравственности и религии... — утверждал Булгаков. — Никогда еще в истории не проповедывалось и не проводилось в жизни такое безбожное, беспринципное служение золотому тельцу, низкая похоть и корысть... Одним словом, мы должны, не обинуясь, сказать, что социализм *прав* в своей критике капитализма... Голос науки и совести сходятся в том, что капиталистическое хозяйство ради общего блага должно быть преобразованным в направлении растущего общественного контроля или в направлении социализма»³⁹. «Капитализм есть безбожное и бесчеловечное отношение человека к человеку, это есть прежде всего категория моральная, а не экономическая»⁴⁰, — писал, в свою очередь, Бердяев, доказывая, что капитализм противоречит «русскому пониманию социальной правды, как оно выразилось в сознании XIX века, противоречит русской традиции»⁴¹.

³⁸ Там же: 329.

³⁹ Булгаков
[Bulgakov] 1991:
225.

⁴⁰ Бердяев
[Berdjaev] 1933: 47.

⁴¹ Там же: 48—49.

Таким образом, признавая необходимость модернизации России, либеральные консерваторы конца XIX — начала XX в. выступали против продвижения ее по западному пути, опасаясь, что развитие капитализма приведет к торжеству эгоизма, утверждению материалистических ценностей, разрушению религиозно-нравственных устоев и традиционных социальных связей. России с ее соборными, общинно-артельными традициями и сформированными православием нравственными установками, полагали они, больше подходит коллективная собственность (государственная, муниципальная, кооперативная), которая могла бы

⁴² Булгаков
[Bulgakov] 1991:
228.

сочетаться с мелкой и средней частной собственностью. Общественным идеалом консервативно-либеральных философов той эпохи, по сути, являлся христианский социализм, представлявший собой социальную проекцию православия. И мыслители этого направления всегда исходили из того, что «лишь на религиозной основе можно находить надлежащее решение социальных вопросов»⁴².

В оппозиции к радикал- либерализму

Революция 1917 г. надолго прервала традицию российского консерватизма. На протяжении десятилетий отечественная консервативная мысль могла свободно развиваться только в эмиграции. Однако с либерализацией политической жизни, начавшейся в годы перестройки, российский консерватизм вновь заявил о себе, причем не только в качестве направления политико-философской мысли, но и в качестве политической силы. Собственно, именно в те годы из чисто духовного и идеологического феномена он стал превращаться в феномен политический.

Уже в конце 1980-х годов в РСФСР начали возникать как право-, так и левоконсервативные общественные и политические организации. Главное различие между ними состояло в том, что правые («белые») консерваторы считали Октябрьскую революцию 1917 г. и коммунизм радикальным разрывом с российской национально-государственной традицией, тогда как для приверженцев левого (социального) консерватизма советское общественно-государственное устройство было органической частью российской истории. Если «белые» консерваторы черпали идеи у славянофилов, И.Ильина и А.Солженицына, то в основе мировоззрения левых лежали национал-большевизм Н.Устрялова, евразийство, национал-коммунистическое неославянофильство «русской партии» в КПСС, «общинный социализм» народников и взгляды консерваторов-охранителей XIX в. Впрочем, эти две версии консерватизма представляют собой скорее «идеальные типы» (в веберовском понимании), и существует немало переходных, эклектических разновидностей этой идеологии, соединяющих в разных пропорциях «правые» и «левые» элементы.

Некоторые концепты левого консерватизма были усвоены и российскими коммунистами. Со времени своего восстановления в феврале 1993 г. компартия стала стремительно дрейфовать в сторону левого консерватизма, и державно-патриотические ценности заметно потеснили в ее идеологии собственно коммунистические. Лидеры и идеологи доминировавшего в руководстве КПрФ государственно-патриотического течения взяли курс на соединение марксизма с традиционалистско-почвенными идеями и взглядами русских консервативных философов XIX в., подчеркивая преемственность между дореволюционной Россией и СССР, трактуя советскую традицию как продолжение российской и отождествляя советскую идентичность с русской⁴³.

В то же время мировоззренческому комплексу всех отечественных консерваторов — как правых, так и левых — присущ ряд общих или ти-

⁴³ Об идейной эволюции КПрФ подробнее см. Работяжев [Rabotyazhev] 2014.

пологически сходных черт, позволяющих квалифицировать их взгляды именно как консервативные (а не, скажем, либеральные или социал-демократические). Это касается прежде всего признания цивилизационной самобытности России и ее фундаментального отличия от Запада. Консерваторы всех оттенков рассматривают Россию в качестве особого мира, развивающегося по своему собственному (то есть незападному) пути. Православная Россия трактуется ими как традиционное общество, носитель духовности и соборно-органических начал в противовес католическо-протестантскому Западу как технологической цивилизации, оплоту потребительства, воплощению индивидуализма и т.д. При этом левые консерваторы видят в советском социализме выражение цивилизационной самобытности России, тогда как правые толкуют коммунизм как западноевропейский феномен, совершенно чуждый России, навязанный ей радикальной интеллигенцией и в значительной степени уничтоживший российскую самобытность.

Следует отметить, что, поскольку, подобно своим идейным предшественникам, постсоветские консерваторы всех оттенков расценивают рецепцию западных институтов и культурных веяний как опасную для российской самобытности, начавшиеся в 1992 г. «радикально-либеральные» реформы оказались для них не менее драматическим вызовом, чем процесс либерально-капиталистической модернизации для славянофилов XIX в. В связи с этим нам кажется вполне обоснованным заключение отечественного исследователя Э.Попова, согласно которому постсоветский консерватизм стал реакцией «на ультралиберальный необольшеvizм так называемых младореформаторов»⁴⁴.

⁴⁴ Попов [Popov] 2006: 7.

Преобразования 1990-х годов вызвали в консервативном лагере практически всеобщее неприятие. И «красные» патриоты, и «белые» державники видели в «радикально-либеральных» реформах слом отечественной традиции и попытку переустроить жизнь России по западным лекалам. Либерал-реформаторы обвинялись в отказе от русской и российской духовной и культурной идентичности, в стремлении навязать России политическое устройство, чреватое ослаблением российской государственности, а также ультрарыночные рецепты теоретиков Чикагской школы, игнорирующие культурно-историческое, политическое и хозяйственное своеобразие страны⁴⁵.

⁴⁵ Там же: 7—8.

Неудивительно, что правительство Б.Ельцина представлялось многим отечественным консерваторам прозападным и антinationальным, если не «оккупационным». Так, в Политической декларации правой и левой оппозиции, подписанной в сентябре 1992 г. целым рядом и «красных», и «белых» патриотов-государственников, президент РФ обвинялся в том, что он вступил в «открыто антinationальный союз с теми международными силами, которые... видят в ликвидации единого и сильного Российского государства основу для своей неограниченной власти»⁴⁶.

⁴⁶ Политическая декларация [Politicheskaia deklaracija] 1993: 92.

Впрочем, такая реакция отечественных консерваторов на «либеральный шок» была вполне естественной. С самого зарождения консерватизма как политико-философского течения консерваторы — и не

только российские, но и западные — решительно выступали против радикализма, революционных скачков, против любых попыток пере-страивать уникальные, исторически сложившиеся общественные орга-низмы по каким-либо заимствованным или универсалистским схемам. Как уже говорилось, они отстаивали эволюционный, органический путь совершенствования общества, не порывающий с его традициями и не угрожающий его национально-культурной самобытности.

Подобные установки характерны и для «белых» консерваторов, и для левых государственников. Так, в своей знаменитой статье «Архитек-тор у развалин» Г.Зюганов — почти в духе Э.Бёрка — утверждал: «Слож-ные общественные системы можно модернизировать только по частям, никак не чохом. Нельзя рушить структуры исполнительной власти, не имея ничего взамен. Пагубно для общества насильственно прерывать связь времен, опрокидывать общепринятые идейные ценности». И со-всем уж недопустимо под флагом возвращения в мировую цивилизацию «резать вдоль и поперек живой — формировавшийся не только десяти-летиями, но и столетиями! — уникальный организм советской, россий-ской общественности и государственности, вживлять в него любой сур-рогат управленческого, политического, культурного толка, подобран-ный на западной барахолке»⁴⁷.

⁴⁷ Зюганов
[Zjuganov] 1991.

Аналогичным образом в упоминавшейся выше Политиче-ской декларации правой и левой оппозиции 1992 г. в качестве аль-тернативы шоковым реформам выдвигался путь «постепенной, опи-рающейся на волеизъявление граждан трансформации сложивших-ся общественных институтов, а не их полного слома, лишшающего народ главного средства выражения и защиты своих общенациональ-ных интересов — государства»⁴⁸. В том же 1992 г. лидер Российского христианско-демократического движения В.Аксюциц декларировал, что основополагающим принципом либерального консерватизма явля-ется «отказ от всякой революционности, предельная реалистичность, учет сложившейся конкретной исторической ситуации, традиций, воз-можностей, потенциала людей и общества, стремление не к борьбе, а к балансу интересов». В российских условиях, доказывал он, либе-рально-консервативный подход побуждает «прежде всего к признанию той непреложной истины, что при проведении реальной эффективной экономической реформы государство должно играть ведущую роль еще достаточно длительный период... Реальное, а не большевистски „об-вальное“ реформирование беспрецедентно монополизированной, ого-сударственной и милитаризованной экономики — вот приоритетная сфера деятельности государства сегодня»⁴⁹.

⁴⁸ Политиче-ская декларация
[Politicheskaja
deklaracija] 1993:
93.

⁴⁹ Аксюциц
[Aksjuchic] 1992.

Два проекта консервативной модернизации

Тот факт, что отечественные консерваторы отрицательно относятся к радикальным методам проведения реформ, не принимают вестер-низации и нередко склоняются к изоляционизму, вовсе не означает, что они выступают против модернизации страны. Но, не отвергая модер-

низацию как таковую, они вместе с тем подчеркивают, что российская модернизация должна соответствовать отечественным национально-культурным традициям и духовным ценностям, протекать органически и поэтапно, не порывать с традиционными общественными устоями и не основываться на заимствованных у Запада идеях или институтах. В сущности, их кредо полностью описывается формулой Хомякова — «постоянное усовершенствование с опорой на старину»⁵⁰. Однако на какую именно старину надо опираться и какие традиции сохранять — по этим вопросам среди российских консерваторов нет консенсуса.

⁵⁰ Хомяков
[Homjakov] 1900:
211.

Левые консерваторы являются принципиальными противниками либерально-буржуазной модернизации России, поскольку, с их точки зрения, капитализм полностью противоречит русским коллективистским традициям и духовным ценностям. Русские, утверждает Зюганов, — народ антибуржуазный, «свято хранящий ценности общинного коллективистского образа жизни, он всегда всеми силами сопротивлялся капитализму с его торгашеским духом и рыночными нравами: все дозволено! все на продажу! побеждает сильнейший!»⁵¹. Зюганов и его единомышленники выступают за иную, «социалистическую модернизацию», опирающуюся на русско-советские ценности (такие, как коллективизм, взаимопомощь, справедливость, верховенство духовного над материальным, отвержение индивидуализма и культы выгоды) и учитывающую опыт советской модернизации⁵². По мнению левых консерваторов, подобная модернизация потребует создания значительного государственного сектора, включающего стратегические отрасли экономики и природные ресурсы России.

⁵¹ Зюганов
[Zjuganov] 2007: 5.

⁵² Зюганов
[Zjuganov] 2010.

В рамках многоукладной экономики, считают левые патриоты, найдется место и национальному предпринимательству. Иное дело — «олигархическо-компрадорский» капитал, в котором они усматривают силу, подрывающую российскую идентичность. Класс крупных собственников, сложившийся в постсоветской России, доказывает Зюганов, «не только не укоренен в национальную культуру и историческую почву нашей страны, но и является лишь отрядом „приказчиков“ транснационального капитала. В сущности, он представляет собой модернизированное издание компрадорской буржуазии. Это — каток, сминающий все русское в России»⁵³.

⁵³ Зюганов
[Zjuganov] 2007:
57.

По-иному видят проблему модернизации России правые консерваторы. Они тоже полагают, что российская модернизация должна опираться не на заимствованные на Западе идеи, а на отечественные традиции — но не советско-социалистические, а дореволюционные, православно-русские. Они позитивно относятся к социально-экономическим реформам, проведенным в 1906—1911 гг. П.Столыпиным, поскольку тот стремился реформировать страну, «не трогая при этом национальной, корневой сущности нашей цивилизации», «искал путь в национальных демократических традициях»⁵⁴. Сильной стороной Столыпина считается также то, что он — в отличие от большевиков и радикальных либералов — «не был готов ради каких-то надуман-

⁵⁴ Отец [Отец] б.г.

⁵⁵ Нарочницкая
[Narochnickaja]
2013: 75.

ных кабинетных теорий жертвовать национальными интересами»⁵⁵. С точки зрения консерваторов этого типа, какие бы реформы ни проводились в России, они ни в коем случае не должны размывать русскую идентичность. Более того, по словам А.Панарина, «социокультурный парадокс модернизации состоит в том, что она требует воли, питаемой идентичностью»⁵⁶.

⁵⁶ Панарин
[Panarin] 1996: 22.

Как правило, национал-консерваторы негативно оценивают коммунистический проект и советскую модернизацию. Они фокусируют внимание не только на их высокой человеческой цене, но и на том, что в ходе индустриализации и коллективизации сельского хозяйства русские традиции и жизненный уклад подверглись почти полному разгрому. А.Ципко, например, отмечает, что сталинская насильственная коллективизация «разрушила основы русского православного быта, убила крепкого мужика, крестьянина-работника, то есть соль, остов русской нации»⁵⁷. И если «красные» патриоты видят в коммунизме выражение российской самобытности, то «белые», напротив, усматривают в нем силу, уничтожившую национальное своеобразие России (и в этом смысле в какой-то степени сходную с глобализацией).

⁵⁷ Ципко [Cipko]
2010.

Правые консерваторы признают частную инициативу и рыночную экономику, однако, по их убеждению, частнопредпринимательская деятельность должна быть подчинена христианским нравственным нормам, и использование частной собственности должно служить не эгоистическим интересам ее владельца, а высшим духовным ценностям, добру, общему благу. В рамках этого мировоззрения хозяйственная деятельность рассматривается как религиозное служение, что «категорически исключает понимание богатства как цели стремлений»⁵⁸. Выступая против копирования западного капитализма, «белые» консерваторы ссылаются на то, что в православной России хозяйственная система не может базироваться на чуждых русскому духу протестантских религиозно-этических основаниях⁵⁹. Либеральный (или неолиберальный) капитализм трактуется ими как «отступление от православия», ибо «христианское вероучение отвергает понимание труда как товара и считает, что к человеку надо относиться не как к орудию производства, но как к его творцу и причине»⁶⁰.

⁵⁸ Митрополит
Иоанн [Mitropolit
Ioann] б.з.

⁵⁹ Бородай
[Borodaj] 1990: 5.

⁶⁰ Осипов [Osipov]
1990: 165.

Правые консерваторы призывают всячески поддерживать «национальный» капитал, противопоставляя его «компрадорскому» экспортно-сырьевому и «космополитическому» банковскому. Важная роль в осуществлении такой поддержки, а также в регулировании народного хозяйства отводится ими государству. В комплекс экономических установок консерватизма этого типа, как правило, входит та или иная степень изоляционизма, осуждение сотрудничества России с МВФ, ее членства в ВТО и т.д. В общем, как отмечает А.Дугин, правоконсервативный проект близок к «экономическому национализму» Ф.Листа и С.Витте, предполагающему «полностью свободный внутренний рынок с жесточайшей системой таможенного контроля и скрупулезной регламентацией внешнеэкономической деятельности, с учетом интересов

⁶¹ Путин [Putin] 2014: 223.

отечественных предпринимателей»⁶¹. Короче говоря, экономический идеал «белых» консерваторов — это национальный капитализм с сильной социальной составляющей и протекционистской внешнеторговой политикой.

Попытки красно-белого синтеза: Изборский клуб

В современной России существует и синкретическая версия консерватизма, представленная Изборским клубом. Созданный в 2012 г., этот клуб объединяет интеллектуалов-государственников разных направлений. Впрочем, доминирует в нем консерватизм скорее левого толка — социальный и государственнический.

⁶² Там же: 92, 94.

Как и другие консерваторы, «изборцы» подчеркивают, что они принимают развитие только при том условии, что оно вписывается в традицию и протекает органично. «Идеи развития в консерватизме неразрывно связаны с традицией... Развитие... должно быть органичным, должно вытекать из традиции, строиться на основе традиции, следовать саморазвитию традиции», — пишет, например, А.Кобяков, доказывая, что реформы в России должны проводиться «на основе учета и использования преимуществ собственной традиции»⁶². Однако традиция, на которую опираются «изборцы», — это в первую очередь традиция мощной централизованной государственной власти. «Государство для русского человека — вторая религия», — утверждает один из активных членов Изборского клуба редактор газеты «Завтра» А.Проханов⁶³. «Самодержавие» (сильное государство) в глазах «изборских» консерваторов имеет приоритет перед «православием» и «народностью» (если воспользоваться здесь формулой графа С.Уварова). Поэтому неудивительно, что некоторые из них склоняются к евразийству, а некоторые выступают апологетами И.Сталина. С этатистских, «державных» позиций Изборский клуб подходит и к проблемам модернизации России. То, что государство должно играть в этом процессе исключительно важную роль, признают как те члены клуба, которые выступают в поддержку «национального капитализма», так и те, кто склоняется к «державному социализму» или особой русской модели экономики.

⁶³ Там же: 5.

В сущности, предлагаемая Изборским клубом программа модернизации включает в себя и право-, и левоконсервативные тезисы. Экономика России «должна быть дирижистской и проектной (с сильным плановым началом), многоукладной (с многообразием форм собственности), на данном этапе (ради восстановления рентабельности производства) — протекционистской, как в Российской империи в 1890-х годах», — считает, в частности, М.Калашников⁶⁴. По мнению Кобякова, в российской экономике, построенной на принципах консерватизма, решающую роль должны играть дирижизм и корпоративизм, причем органическая общественная солидарность должна сдерживать индивидуализм и погоню за прибылью. Описывая консервативную социально-экономическую парадигму, он выделяет такие ее элементы, как приоритет реального сектора экономики перед денежно-финансовым; баланс

⁶⁴ Там же: 116.

между солидарностью и конкурентными отношениями; социальная справедливость, включающая перераспределение всех видов природной ренты; уважительное отношение к собственности, предполагающее вместе с тем социальную ответственность капитала и его ориентацию на национальные интересы; соработничество труда и капитала в рамках солидарных экономических отношений; развитие коллективных форм собственности (совладения); протекционизм и активная поддержка национальных производителей; формирование самодостаточной «национальной экономики»⁶⁵.

⁶⁵ Там же: 99—112.

В свою очередь, О.Платонов отстаивает специфический русский путь развития экономики, основывающийся на ценностях православия и сочетании общинно-артельных и этатистских начал. «Русская цивилизация, — пишет он, — предлагает отличную от западной модель хозяйственного развития, ориентированную не на стремление к наживе, а на определенный духовно-нравственный миропорядок. Понимание экономики выходит на религиозный уровень... Взамен западной экономики потребительской экспансии и погони за прибылью русская цивилизация предлагает христианский путь хозяйства — экономику устойчивого достатка... Наличие общинных и артельных отношений придает русской экономике нравственный характер»⁶⁶. Такая экономика не зависит от Запада и регулируется «сильной самодержавной властью, имеющей традиционно нравственный характер»⁶⁷. Самодержавное государство должно играть ту же роль в экономике, которую на Западе играют крупнейшие банки и биржи — таким образом оно сможет обеспечить независимость народного хозяйства России от международных банков и транснационального финансового капитала. В экономике русской цивилизации сохранится и частное предпринимательство, но оно будет носить не спекулятивный, а производственный характер, увеличивая народное богатство⁶⁸.

⁶⁶ Там же: 177.

⁶⁷ Там же: 178.

⁶⁸ Там же: 178—179.

Вполне очевидно, впрочем, что автаркические и изоляционистские модели, разрабатываемые в рамках Изборского клуба, весьма далеки от экономических реалий и имеют мало шансов на воплощение в жизнь. Как справедливо отмечает отечественный политолог Л.Поляков, «интеллектуальный изоляционизм (при всей своей нередко даже эстетской красоте) никоим образом не трансформируется в изоляционизм как практически-политическую государственную стратегию. Поздно — во всех смыслах»⁶⁹.

⁶⁹ Поляков [Polyakov] 2011: 17

Интересно отметить, что многие «изборцы» отводят существенное место в российской экономике предприятиям, основанным на общинных, артельных, кооперативных началах. А исполнительный секретарь клуба В.Аверьянов даже полагает, что артель — это «отражение национальной метафизики, практическое преломление глубинной установки русского человека на взаимодействие, совместную деятельность, совместную жизнь»⁷⁰ и что артельность, наряду с общинностью и соборностью, представляет собой «один из важнейших культурно-психологических и социально-исторических архетипов России»⁷¹.

⁷⁰ Аверьянов [Aver'janov] 2014: 107.

⁷¹ Там же: 121.

И здесь изборский функционер, бесспорно, идет по стопам славянофилов, ратовавших за развитие российской промышленности на общинно-артельных началах.

**Вместо
заключения:
возможна ли
консервативная
модернизация
в России?**

Подводя некоторые итоги, следует констатировать, что жесткое противопоставление консерватизма и модернизации не имеет под собой оснований. Российские консерваторы не противники модернизации, но они выступают за *иную* модернизацию, не тождественную вестернизации. С консервативной точки зрения, модернизация должна протекать эволюционно-органически и исключать радикальные методы. Она не должна вести к шоковым потрясениям, конфликтам, значительным социальным издержкам. Для консерваторов приемлема только такая модернизация, которая опирается на отечественные традиции, не противоречит традиционным религиозно-нравственным устоям и ценностям, не порывает с историческим прошлым страны и не ставит под вопрос российскую идентичность. Заимствование же западных идей и образцов считается нежелательным. По мнению консерваторов, либерально-капиталистическая система с неограниченной свободой предпринимательства чужда отечественной социокультурной матрице, которой в большей степени соответствуют коллективные формы собственности (государственный сектор, кооперативы, «народные предприятия» и др.). При этом важнейшей предпосылкой успешной модернизации является сохранение порядка и стабильности, что делает недопустимым ослабление государства в ходе преобразований.

В связи с этим стоит отметить, что сегодня, в отличие от 1950—1960-х годов, универсальность европейско-американского пути модернизации подвергают сомнению и многие западные авторы. Как подчеркивает Н.Зарубина, «в новой парадигме модернизации модель мирового процесса развития выглядит уже не однолинейной и моноцентричной, как в вестернизаторской модели, а полицентричной и допускающей значительную вариативность в формах и направлениях своей динамики»⁷². Ученые-гуманитарии теперь склоняются к тому, что традиционные ценности и нормы не только не препятствуют модернизации, но и способны обеспечить социокультурную интеграцию модернизирующегося общества, тем самым делая возможным сохранение стабильности, порядка и непрерывности его развития.

В пользу этого заключения говорит, в частности, опыт Страны восходящего солнца и четырех «азиатских драконов» — ведь индустриальный рывок в Японии, Южной Корее, Сингапуре, Гонконге и на Тайване был осуществлен не вопреки, а скорее благодаря традициям восточноазиатской цивилизации. «Для модернизации (особенно — органической), — отмечают В.Хорос и М.Чешков, — характерны как симбиоз, так и синтез традиционных и современных ценностей, который состоит в использовании или переинтерпретации одних ценностей традиционной культуры при нейтрализации других, а также в создании или

⁷² Зарубина
[Zarubina] 1998:
127—128.

⁷³ Авторитаризм
[Authoritarianism] 1996:
9.

восприятию новых, современных ценностей и „прививке“ их к древу национальных культурных традиций»⁷³. В любом случае, пересаживая институты Модерна на национальную почву, элиты Японии и «восточноазиатских тигров» отнюдь не пытались порвать с историческим прошлым своих стран. И их «экономические чудеса» лишней раз доказывают, что успешная модернизация возможна лишь при условии, что она опирается на культурно-исторические традиции и духовные ценности соответствующей страны. Да и в послевоенных ФРГ и Италии именно консервативные (христианско-демократические) партии обеспечили консолидацию демократии и социально-экономическую модернизацию.

⁷⁴ Эту позицию особенно четко артикулируют консерваторы-государственники из Изборского клуба.

Необходимо, однако, учитывать, что духовной основой успешной модернизации в ФРГ, Италии и новых индустриальных странах Восточной Азии стал синтез либерально-«западнических» и традиционных ценностей. В современной же России для большинства консерваторов характерно полное отвержение либерализма, ассоциируемого исключительно с Западом, глобализацией и «новым мировым порядком»⁷⁴. Для них либерализм — это не философская концепция, обосновывающая необходимость ограничения власти государства и общества над индивидом, а проповедь экономического индивидуализма, нерегулируемых свободно-рыночных отношений и культа наживы, идеология транснациональной финансовой олигархии и «компрадорской буржуазии». Особое неприятие у отечественных консерваторов вызывает то обстоятельство, что либерализм, как им кажется, отстаивает нигилистическую «свободу от» и «борется против всех форм коллективной идентичности, против всех видов ценностей, проектов, стратегий, целей, методов, так или иначе являющихся коллективистскими или, по крайней мере, неиндивидуалистическими»⁷⁵. Неудивительно, что трактуемый таким образом либерализм воспринимается ими как угроза высшим ценностям российской цивилизации.

⁷⁵ Дугин [Dugin] 2014.

Не вдаваясь здесь в рассмотрение вопросов о том, в какой мере представления отечественных консерваторов о либерализме соответствуют действительности и насколько обоснованно отождествление ими российского «радикал-либерализма» 1990-х годов с аутентичным либерализмом, отметим, что консерваторы выбрасывают из либеральной идеи ее общечеловеческое содержание. Между тем многие постулаты философии либерализма (абсолютная ценность каждой личности, нерушимость человеческого достоинства, нравственная автономия индивида, равенство людей как нравственных существ, признание неотъемлемых и неотчуждаемых прав и свобод человека) непосредственно вытекают из христианства, что было показано в том числе и рядом русских мыслителей XIX — первой половины XX в.

«Ценность свободы совести, свободы слова и свободы союзов — бесспорна с христианской точки зрения, ибо прямо выросла из христианства, — писал, например, философ-«новоградец» Б.Вышеславцев. — Она есть ценность, лежащая в основе свободного общения духов,

⁷⁶ Вышеславцев
[Vysheslavcev] 1932:
46.

в основе духовного единства и, следовательно, в основе соборности и любви. Лишить человечество одной из этих свобод значит лишить его возможности осуществить соборность и проявлять любовь, иначе говоря, стремиться к воплощению Царства Божия»⁷⁶. Следует отметить, что либеральные свободы отстаивали и классики славянофильства, а также их последователи (Соловьев, Булгаков, Бердяев, Федотов и др.). Другими словами, в России существует давняя традиция либерального консерватизма, которая, к сожалению, сегодня явно недостаточно востребована и номенклатурными консерваторами из «Единой России», и патриотами-государственниками других направлений.

⁷⁷ Поляков
[Polyakov] 2011.

Вместе с тем в последние годы в нашей стране происходит определенное возрождение либерально-консервативной мысли. Постепенно формируется идеология просвещенного консерватизма, соединяющего уважение к индивидуальной свободе с традиционными консервативными установками, а ценности модернити — с признанием цивилизационно-культурного своеобразия России. Так, с точки зрения Полякова, российская модернизация не может быть тождественной вестернизации, но при этом она не должна вести к самозамыканию и изоляции России. Модернизация, по его мнению, предполагает не подражание западным образцам, но раскрытие потенциала России, развертывание ею своего собственного содержания⁷⁷. «Власть, которая импортирует чужие ценности и продвигает их как образец для подражания для всех остальных, добивается своего на очень узком пространстве ближайшей элиты. Остальное население усваивает реформы на половину, на четверть и фактически отчуждается», — подчеркивает он⁷⁸. Поэтому аутентичная консервативная модернизация в России станет возможной лишь в том случае, если удастся преодолеть взгляд на модернизацию как на самоотчуждение власти и элиты от собственного народа и «будет сделана ставка на инновации, возникающие в результате собственного творчества, а не на импорт готовых образцов»⁷⁹.

⁷⁸ Поляков
[Polyakov] 2014:
129.

⁷⁹ Там же: 130.

В свою очередь, С.Караганов убежден, что основой стратегии просвещенного консерватизма в современной России должно стать развитие человека, сохранение и возрождение народа, приумножение человеческого капитала. «Развитие людей, наращивание человеческого капитала — такова должна быть главная цель национального развития, современная „русская идея“, способная объединять. И правых, и левых. И либералов, и консерваторов», — пишет он. Просвещенный консерватизм, по Караганову, включает в себя как либеральные ценности (уважение к человеческой личности и ее свободе, создание условий для ее самореализации), так и целый ряд консервативных концептов. В частности, он считает необходимым формирование современной, но укорененной в прошлых достижениях российской идентичности на основе русского языка и культуры, восстановление общественной морали, возрождение патриотических ценностей. Типично консервативным является и подчеркивание им важности регионализации, предпо-

лагающей «перенос вектора развития на провинцию через бюджетный маневр, подъем провинциальной школы, университетов», «создание многих „столиц“ через поощрение региональных центров». По собственному признанию ученого, стратегия просвещенного консерватизма напоминает «многие мысли и заветы Солженицына», в особенности те, что были изложены в работе «Как нам обустроить Россию»⁸⁰. Отстаивая российскую национальную идентичность, Караганов вместе с тем категорически не приемлет изоляционизм, подчеркивая, что «отход от равнения на Европу, духовной связи с ней разрушит русскую культурную матрицу, на 90% европейскую»⁸¹.

И все же либерально-консервативный консенсус складывается в нашей стране крайне медленно. Между тем перспективы реального вступления России на путь модернизации, на наш взгляд, во многом зависят от того, «сможет ли российское общество соединить естественный консерватизм или, точнее, традиционализм, имеющий тысячелетнюю историю, с либеральными ценностями и прийти на основании этого к ценностям универсального консерватизма»⁸². А для осуществления этого высшего синтеза совершенно необходимо обращение к наследию русской консервативно-либеральной мысли.

⁸⁰ Солженицын [Solzhenitsyn] 1990.

⁸¹ Караганов [Karaganov] 2014.

⁸² Абелинскас [Abelinskas] 1999: 99.

Библиография

Абелинскас Э.Ю. 1999. *Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология (опыт обоснования)*. — Екатеринбург [Abelinskas Je.Ju. 1999. Konservatizm kak mirovozzrenie i politicheskaja ideologija (opyt obosnovanija). — Ekaterinburg].

Аверьянов В.В. 2014. Русская артель. Невостребованный опыт: из прошлого в будущее? // *Свободная мысль*. № 3 [Aver'janov V.V. 2014. Russkaja artel'. Nevostrebovannyj opyt: iz proshlogo v budushhee? // Svoobodnaja mysl'. № 3].

Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. 1996. — М. [Avtoritarizm i demokratija v razvivajushhihsja stranah. 1996. — M.].

Аксючиц В. 1992. В плену новых утопий: Размышления лидера российских христианских демократов // *Независимая газета*. 23.10 [Aksjuchic V. 1992. V plenu novyh utopij: Razmyshlenija lidera rossijskih hristianskih demokratov // Nezavisimaja gazeta. 23.10].

Бердяев Н.А. 1933. О социальном персонализме // *Новый Град*. № 7. — Париж [Berdjaev N.A. 1933. O social'nom personalizme // Novyj Grad. № 7. — Parizh].

Бородай Ю. 1990. Почему православным не годится протестантский капитализм // *Наш современник*. №10 [Borodaj Ju. 1990. Pochemu pravoslavnym ne goditsja protestantskij kapitalizm // Nash sovremennik. № 10].

Булгаков С.Н. 1991. *Христианский социализм*. — Новосибирск [Bulgakov S.N. 1991. Hristianskij socializm. — Novosibirsk].

Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. 1990. — М. [Vehi: Sbornik statej o russkoj intelligencii. 1990. — M.].

Вышеславцев Б.П. 1932. Социальный вопрос и ценность демократии // *Новый Град*. № 2. — Париж [Vysheslavcev B.P. 1932. Social'nyj vopros i cennost' demokratii // *Novyj Grad*. № 2. — Parizh].

Грызлов Б. 2009. Сохранить и приумножить: консерватизм и модернизация // *Известия*. 1.12 [Gryzlov B. 2009. Sohranit' i priumnozhit': konservatizm i modernizacija // *Izvestija*. 1.12].

Гусев В.А. 2001. *Русский консерватизм: основные направления и этапы развития*. — Тверь [Gusev V.A. 2001. *Russkij konservatizm: osnovnyje napravlenija i jetyapy razvitija*. — Tver'].

Дугин А. 2014. Запад: война против России // *Завтра*. № 13 [Dugin A. 2014. Zapad: vojna protiv Rossii // *Zavtra*. № 13].

Зарубина Н.И. 1998. *Социокультурные факторы хозяйственного развития: М.Вебер и современные теории модернизации*. — СПб. [Zarubina N.I. 1998. *Sociokul'turnye faktory hozjajstvennogo razvitija: M.Weber i sovremennye teorii modernizacii*. — SPb.].

Зюганов Г.А. 1991. Архитектор у развалин // *Советская Россия*. 7.05 [Zjuganov G.A. 1991. Arhitektor u razvalin // *Sovetskaja Rossija*. 7.05].

Зюганов Г.А. 2007. *И вечный бой! Отстоим русскую культуру — спасем Россию*. — М. [Zjuganov G.A. 2007. *I vechnyj boj! Ostoim russkiju kul'turu — spasem Rossiju*. — M.].

Зюганов Г.А. 2010. Социалистическая модернизация и ее духовная основа // *Правда*. 4.03 [Zjuganov G.A. 2010. *Socialisticheskaja modernizacija i ee duhovnaja osnova* // *Pravda*. 4.03].

Караганов С. 2014. Стратегия просвещенного консерватизма // *Vedomosti.ru*. 28.02 [Karaganov S. 2014. *Strategija prosveshhenogo konservatizma* // *Vedomosti.ru*. 28.02] (<http://www.vedomosti.ru/opinion/news/23400271/strategiya-prosveschennogo-konservatizma>).

Карпович М.М. 2012. *Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века)*. — М. [Karpovich M.M. 2012. *Lekcii po intellektual'noj istorii Rossii (XVIII — nachalo XX veka)*. — M.].

Керимов В.И. 1988. Философия истории А.С.Хомякова (По страницам одной полузабытой работы) // *Вопросы философии*. № 3 [Kerimov V.I. 1988. *Filosofija istorii A.S.Homjakova (Po stranicam odnoj poluza-bytoj raboty)* // *Voprosy filosofii*. № 3].

Милль Дж.Ст. 2006. *Рассуждения о представительном правлении*. — Челябинск [Mill J.S. 2006. *Rassuzhdenija o predstavitel'nom pravlenii*. — Cheljabinsk].

Митрополит Иоанн (Снычев). *Чтущий да разумеет...* [Mitropolit Ioann (Snychev). *Chtushhij da razumeet...*] (http://gosudarstvo.voskres.ru/ioann/tr1_10.htm).

Нарочницкая Н.А. 2013. *Русский код развития*. — М. [Narochnickaja N.A. 2013. *Russkij kod razvitija*. — M.].

Орлов Д., Бадовский Д., Виноградов М. 2010. *Консервативная модернизация — 2010: конфигурация власти и новая политическая повестка дня* [Orlov D., Badovskij D., Vinogradov M. 2010. *Konservativna-*

ja modernizacija — 2010: konfiguracija vlasti i novaja političeskaja povestka dnja] (<http://www.regnum.ru/news/1241073.html>).

Осипов В. 1990. Христианство и собственность // *Наши современники*. № 12 [Osipov V. 1990. Hristianstvo i sobstvennost' // Nash sovremennik. № 12].

Отец непопулярных реформ [Otec nepopuljarnyh reform] (<http://www.izvestia.ru/hystory/article3147477/>).

Панарин А.С. 1996. «Вторая Европа» или «Третий Рим» // *Вопросы философии*. № 10 [Panarin A.S. 1996. «Vtoraja Evropa» ili «Tretij Rim» // Voprosy filosofii. № 10].

Политическая декларация правой и левой оппозиции. 1993 // Зюганов Г.А. *Драма власти*. — М. [Politicheskaja deklaracija pravoj i levoj oppozicii. 1993 // Zjuganov G.A. Drama vlasti. — M.].

Поляков Л.В. 2011. Идентичность и модернизация: российский опыт // *Полития*. № 4 [Polyakov L.V. 2011. Identichnost' i modernizacija: rossijskij opyt // Politija. № 4].

Поляков Л.В. 2014. Российский консерватизм на страже будущего // *Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ*. № 2. — М. [Polyakov L.V. 2014. Rossijskij konservatizm na strazhe budushhego // Tetradi po konservatizmu: Al'manah Fonda ISJePI. № 2. — M.].

Попов Э. 2006. Консерватизм в современной России и будущее российской государственности // *Политический маркетинг*. № 8 [Popov Je. 2006. Konservatizm v sovremennoj Rossii i budushhee rossijskoj gosudarstvennosti // Politicheskij marketing. № 8].

Просвещенный консерватизм: Российские мыслители о путях развития Российской цивилизации: Политическая антология. 2012. — М. [Prosveshennyj konservatizm: Rossijskie mysliteli o putjah razvitija Rossijskoj civilizacii: Politicheskaja antologija. 2012. — M.].

Путин: в зеркале Изборского клуба. 2014. Кн. 2. — М. [Putin: v zerkale Izborskogo kluba. 2014. Kn. 2. — M.].

Работяжев Н.В. 2014. Между традицией и утопией: левый консерватизм в России // *Полис*. № 4 [Rabotyazhev N.V. 2014. Mezhdju tradiciej i utopiej: levij konservatizm v Rossii // Polis. № 4].

Россия: сохраним и приумножим! Программный документ партии «Единая Россия». 2009 [Rossija: sohranim i priumnozhim! Programmnij dokument partii «Edinaja Rossija». 2009] (http://www.ercao.ru/party/policy_documents/proza.php).

Солженицын А.И. 1990. *Как нам обустроить Россию: Посильные соображения*. — Л. [Solzhenicyn A.I. 1990. Kak nam obustroit' Rossiju: Posil'nye soobrazhenija. — L.].

Соловьев В.С. 1989а. *Сочинения: В 2 т.* Т. 1 — М. [Solov'ev V.S. 1989a. Sochinenija: V 2 t. T. 1. — M.].

Соловьев В.С. 1989б. *Сочинения: В 2 т.* Т. 2. — М. [Solov'ev V.S. 1989a. Sochinenija: V 2 t. T. 1. — M.].

Соловьев Э.Г. 1997. У истоков российского консерватизма // *Полис*. № 3 [Solov'ev Je.G. 1997. U istokov rossijskogo konservatizma // Polis. № 3].

Соломонов Ю. 2011. Самопровозглашенная ориентация на консерватизм // *Независимая газета*. 12.10 [Solomonov Ju. 2011. Samoprovozglashennaja orientacija na konservatizm // *Nezavisimaja gazeta*. 12.10].

Хомяков А.С. 1900. *Полное собрание сочинений*. Т. VIII. — М. [Homjakov A.S. 1900. Polnoe sobranie sochinenij. T. VIII. — M.].

Хомяков А.С. 2013. *Философские и богословские произведения*. — М. [Homjakov A.S. 2013. Filosofskie i bogoslovskie proizvedenija. — M.].

Цимбаев Н.И. 1986. *Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века*. — М. [Cimbaev N.I. 1986. Slavjanofil'stvo: Iz istorii russkoj obshhestvenno-politicheskoj mysli XIX veka. — M.].

Ципко А. 2010. За любовью к вождю — ненависть к своему народу // *НГ-Политика*. 2.11 [Cipko A. 2010. Za ljubov'ju k vozhdju — nenavist' k svoemu narodu // *NG-Politika*. 2.11].

Чаадаев П.Я. 1991. Апология сумасшедшего // *Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев*. — СПб. [Chaadaev P.Ja. 1991. Apologija sumasshedshego // *Rossija glazami russkogo: Chaadaev, Leont'ev, Solov'ev*. — SPb.].

Шелохаев С.В. 1999. Теоретические представления русских либералов-консерваторов начала XX века (Дмитрий Николаевич Шипов) // *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы*. — М. [Shelohaev S.V. 1999. Teoreticheskie predstavlenija russkih liberalov-konservatorov nachala XX veka (Dmitrij Nikolaevich Shipov) // *Russkij liberalizm: istoricheskie sud'by i perspektivy*. — M.].

Шелохаев С.В. 2010. *Д.Н.Шипов: Личность и общественно-политическая деятельность*. — М. [Shelohaev S.V. 2010. D.N.Shipov: Lichnost' i obshhestvenno-politicheskaja dejatel'nost'. — M.].

Eisenstadt S.N. 1973. *Tradition, Change and Modernity*. — N.Y.

Freeden M. 1996. *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. — Oxford.